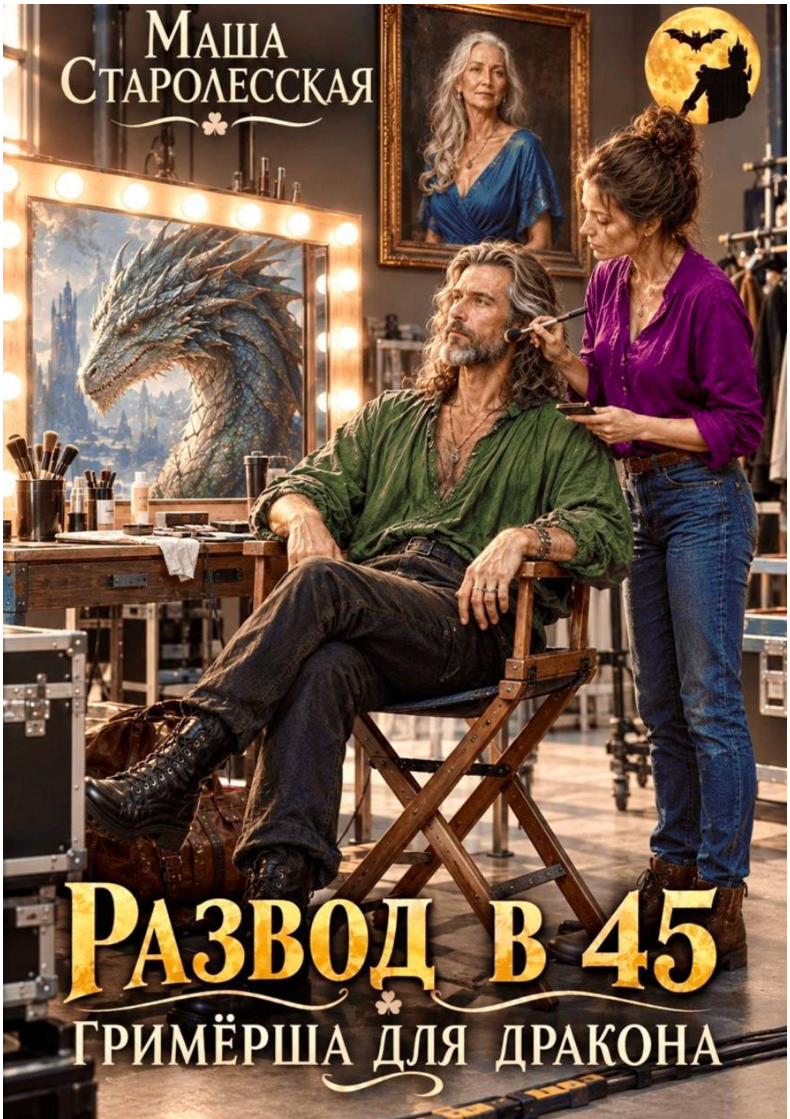

Маша Старолесская
Развод в 45
Гримёрша для дракона

Маша Старолесская

Развод в 45. Гримёрша для дракона

https://litres.ru/74803459
SelfPub; 2026

Аннотация

Катя, специалистка по гриму, переживает тяжёлый развод. Звезда сериалов для домохозяек Ярослав Каминский уже три года не может оправиться после смерти жены.

Что же произойдёт, когда на съёмочной площадке встретятся два одиночества?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Маша Старолесская
Развод в 45. Гримёрша для дракона

Глава 1

Катя осторожно откинулась на спинку стула. Волосы, конечно, прикрыты шапочкой, но испачкать краской стену парикмахерской не хотелось бы. Плати ещё за ремонт! Да и зачем отношения портить?

Делать было нечего. В окрашивании волос деятельная Катя больше всего не любила этот этап: торчать как хрен на именинах целый час без всякой пользы, листать журналы, тупить в телефон. Да и саму процедуру она теперь была готова поставить под сомнение: прячь седину, не прячь – если муж решил уйти к другой, у которой из достоинств только молодость, ничего не поможет. Ни спортзал, ни диеты, ни вот это вот всё.

Впрочем, показываться судье и почти бывшему мужу задолбанной лахудрой не стоит…

Так думала Катя, механически перебирая стопку глянцевых журналов на столе. Вылизанные фото молодых красавиц на обложках не слишком привлекали. Половину из них Катя

видела вживую на съёмочной площадке и знала цену всем этим ухищрениям, ужимкам и правильным сладким словам. И вдруг, как вспышка, – «Полная чаша», изданьице для семейных женщин…

«В семье Каминских измены не приняты», – гласил крупный заголовок под фото холёного мужчины лет пятидесяти, очень подтянутого, с широкими плечами и седыми волосами, собранными в хвост. Ну да, Ярослав Каминский, звезда их нового проекта, знаменитый актёр, мечта домохозяек и любимый «дед» для школьниц и студенток.

Кате ещё не приходилось с ним работать, познакомиться предстояло только через несколько дней. Ей почему-то казалось, что у таких небожителей должен быть свой штат гримёров и прочего стаффа, но нет. И потому Кате, как самой опытной и терпеливой, досталась такая ответственность.

«Ну, почитаем, что там про нашего мальчика пишут!» – Она начала быстро пролистывать страницы в поисках нужной. Такие материалы обычно помещали в середине журнала, чтобы читательницы успели пересмотреть половину рекламных материалов.

Само интервью занимало не так много места, как она ожидала. Со всех сторон текст был зажат фотографиями главного героя в интерьерах роскошного загородного дома. Уютных таких интерьеров. Даже не подумаешь, что такой эффектный мужчина предпочитает рустикальный стиль. Или это его жена предпочитает?

Катин взгляд задержался на одной из картинок. Ярослав Каминский стоял рядом со столиком, на котором, как на алтаре, размещался портрет седовласой очень ухоженной женщины. Подпись гласила: «Мы прожили с Калерией двадцать пять лет и были счастливы каждый день».

Катя моргнула. Чего она меньше всего ожидала от героя статьи в глянцевом журнале, так это настолько приторных откровений. Впрочем, это же «Полная чаша», вряд ли они могли бы написать что-то другое. С такими размышлениями она нырнула в статью с головой, и чем дальше вчитывалась, тем сильнее на голове у неё шевелились только что покрашенные волосы.

Потому что весь материал про Ярослава Каминского был выдержан именно в таком ключе. На словах журналистки: «В наш век свободных отношений, когда измены стали практически нормой жизни, вам удалось сохранить прочный и крепкий брак. Не поделитесь ли секретом?» – Катю мелко затрясло то ли от смеха, то ли от возмущения. Но и это был ещё не предел. Потому что Каминский русским по бежевому (в тон интерьерам на фото) ответил: «Всё просто: если ты нашёл свою – по-настоящему свою – женщину, какой смысл ей изменять? Разрушить отношения легко, а вот сохранять их, работать над ними, влюбляться в свою жену каждый день по-новому – вот это задача, которая по силам только настоящему мужчине». «Да ты звездишь, как дышишь!» – Катя подскочила на стуле и чуть не вмазалась головой в стену, кото-

рую так боялась заляпать краской. Ирка, которая в это время накручивала на щётку прядки другой клиентки, не отвлекаясь от своего занятия, спросила:

– Всё в порядке?

– В порядке, в порядке, – осторожно закивала Катя и, постаравшись взять себя в руки, вернулась к чтению. Мало ли, какие перлы там скрываются.

Дальше по тексту Каминский разливался в славословиях своей жене, как выяснилось пару абзацев спустя, три года, как покойной. Так что столик с портретом, пожалуй, и в самом деле был алтарём безутешного вдовца.

«Нет, такого не бывает, – продолжала думать Катя. – Тут либо журналистка всё переврала, либо этот звездит, и всю жизнь от жены гулял, а теперь стыдно стало… Либо он долбанутый». Почему-то от последней мысли стало грустно. Чтобы такой эффектный мужик – и долбанутый, одержимый одной женщиной всю жизнь… да в актёрской среде!..

Надо будет разузнать про него побольше. Ведь наверняка за таким фасадом скрывается какая-нибудь мерзость.

Катя дёрнула плечами, вспоминая обстоятельства, когда узнала об измене мужа. Очередной, что уж там, но настолько откровенной, что после этого сохранять даже видимость брака было невозможно.

Они прожили с Серёгой двадцать лет, это был крепкий, если посмотреть со стороны, союз двух профессионалов. Она – гримёр, он – оператор документальных фильмов. Вся

жизнь в разъездах. Командировки, изматывающая, но такая любимая работа, гулянки после окончания съёмок. Все всё понимали.

Детей у них не случилось. Катя старалась, ходила по врачам, мужа загнала сдать анализы. По всему выходило, что они оба здоровы, и всё должно получиться само собой. Но ни подсчёт правильных дней, ни супружеский долг строго по графику и непременная «берёзка» после каждого акта, чтобы не расплескать ни капли драгоценного семени, ни травки и походы к бабкам не помогали. Иногда Кате начинало казаться, что это и к лучшему, потому что – смотри выше, командировки, разъезды, необходимость бросить дело всей жизни. Но потом она чувствовала, как пусто дома без топота детских ножек, и падала в бездну отчаяния.

И вот месяц назад она вернулась из очередной командировки. Где же они тогда снимали? Кажется, в Плёсе. Нужны были натурные сцены, точно. Так вот, она вернулась из Плёса усталая – ехали не поездом, как быстрее, а на машинах, вечно застревая в пробках, поднялась к себе домой и обнаружила там…

Нет, не мужа, резво скачущего на какой-нибудь красотке-блондинке. В квартире её ждала звенящая тишина. На черной грифельной доске, которую они использовали для заметок, – короткую записку, мол, съёмки «Медвежьего угла» было решено начать на два дня раньше, не хотел беспокоить, жди. Серёга уехал в безынтернетную глушь работать над

фильмом о реабилитации диких зверей.

Это как раз было не странно. Странное поджидало Катю в туалете. Она смыла макияж, открыла ведро, чтобы выбросить туда ватные тампончики, пропитанные тушью и тональным кремом, и увидела на дне изящно выстроенную инсталляцию. Две плоские розовые коробочки, на которых красовались изображения беременных женщин с округлыми животиками, а на них – тест с парой расплывшихся красных полосок. От неожиданности, от безграничного цинизма, с которым Кате было явлено доказательство её полной женской несостоятельности, у неё перехватило дыхание.

Понятно, что сделал это не Серёга. Это была хорошо рассчитанная провокация, на какие муж, пока еще не бывший, был не способен, не по кротости натуры, а исключительно по простоте ума. Зато его новая девица сразу решила и заявить права на самца, и, так сказать, пометить территорию. Правда, с последним она просчиталась. Квартира эта была Катиным добрачным имуществом, так что, если пассия её супруга и рассчитывает на что-то, здесь она жёстко обломается.

Первым порывом тогда было позвонить Серёге, потребовать объяснений. Вряд ли он и в самом деле с камерой на плече кормил комаров где-то в глубинке в Тверской области. Скорее уж прохлаждался с матерью будущих детей где-нибудь за городом.

Но тогда Катя смогла взять себя в руки. Сделала вид, что поверила в эту легенду про «Медвежий угол», и нача-

ла готовиться к разводу. Потому что квартира, может, и была добрачной, но за годы совместной жизни они успели обзавестись автомобилем, парковочным местом и парой студий-апартаментов, которые кормили их в промежутках между гонорарами. Всё это еще надо было поделить…

Серёга после возвращения из своих безынтернетных просторов был поставлен перед фактом. И хотя вроде и принял решение уходить сам, очень возмущался, что его по сути выставляют из привычной квартиры и привычной жизни. Он кричал, обзывал Катю «пустоцветом», заявлял, что она одна виновата в его изменах, и вообще, благородный род Смирновых нуждается в продолжении, а она не справилась с такой простой бабской задачей, как передать гены супруга потомкам. Короче говоря, вёл себя так, будто пострадавшей стороной в этой ситуации был он. Катя только морщилась от омерзения.

Заявление о разводе давно лежало на Госуслугах, пошлины были оплачены, адвокат, которого ей сосватала сама Светличина, звезда сериалов для домохозяек, уже готовился к судебным заседаниям…

А Катя готовилась войти в новую жизнь с новым цветом волос и причёской.

Ярослав

Он поправил розу в вазе, посмотрел на портрет покойной жены, словно образ на алтаре, висящий на стене над антикварным пристенным столиком, и вздохнул. Да, наверно,

Калерии понравился бы этот букет. Не мог не понравится. Её любимые цветы – светло-розовые розы старого сложения, как на картинах голландских мастеров. Букеты присылали строго по графику, раз в пять дней. А домработница, проинструктированная управляющим, следила за водой, убирала падающие лепестки и сдувала пылинки с большой фотографии под музейным стеклом.

Этот портрет был сделан незадолго до ухода Калерии. Прямо в душу Ярославу смотрела статная женщина восьмидесяти лет, сохранившая сквозь годы величественную осанку и юный блеск синих глаз. Длинные волосы, уложенные в замысловатую причёску, спадали ей на плечи. Она никогда не стеснялась возраста, не пыталась угнаться за молодостью. Впрочем, Истинной дракона это и не нужно было. Калерия всегда знала, что муж будет верен ей, стареющей, больной, пока смерть не разлучит их. И эта уверенность в том, что её любили, особым светом пронизывала всю её жизнь, давала силы заниматься благотворительностью – Калерия задолго до того, как это стало модно, открыла убежище для женщин, оказавшихся в трудной ситуации, и сама следила, чтобы персонал не воровал деньги, не заставлял несчастных, порой оказывавшихся на улице без гроша в кармане, зато с ребёнком или беременными, отрабатывать еду и кров. Но и злоупотреблять своей поддержкой не давала…

Перед глазами у Ярослава возникли бесчисленные слова благодарности и сочувствия, которые хлынули на личную

страницу супруги, когда женщины, которых она когда-то спасла, узнали о смерти Калерии. Да, без неё мир стал хуже. Мир этих людей, которым она помогала, которых спасала.

А его мир рухнул. Рухнул в тот момент, когда сердце жены перестало биться. Это было ожидаемо, предсказуемо. Врачи говорили, что третьего инфаркта она не перенесёт, делали всё возможное, но годы брали своё. Калерия уходила от него, медленно, постепенно, но от этого не становилось легче. Время не лечило.

Отец, проживавший свой «медовый месяц» с очередной Истинной, девицей чуть за двадцать, убеждал Ярослава, что ко всему надо относиться легче, что так больно бывает только первый раз, а потом приходит мудрость и здоровое смирение. Для того драконам и дан долгий век, лет триста, а если повезёт, то и все четыреста – чтобы мудрела душа.

Но Ярослав пока мудреть не хотел. Ему только недавно исполнилось пятьдесят – приличный возраст по человеческим меркам, практически юность – по драконьим. Он уже построил дом, посадил сад и вырастил первого сына. Беременность далась Калерии тяжело, и они решили больше не рисковать. И вот теперь сын выпорхнул из отчего гнезда, дом, где каждая мелочь напоминала об умершей жене, опустел. Отец влез и тут: предлагал продать коттедж в престижном районе, подобрать что-то новое, чтобы освободиться от оков памяти, но Ярослав отказывался. Представить, что кто-то другой будет спать в их спальне, переставит всё на их кух-

не, перекрасит стены, было невозможно, по крайней мере, пока.

Так что оставалось единственное прибежище – работа. И он не вылезал со съёмок. Чем больше, дальше и сложнее, тем лучше. Лицо Ярослава Каминского не сходило с обложек. Ему, выглядящему солидно и вместе с тем бодро, таблоиды прочили блистательную карьеру, критики обсуждали, почему такой актёр, достойный большого кино, тратит время на сериалы.

Надо сказать, кроме Калерии, в желании играть в кино Ярослава не поддерживал никто. Слишком опасно для дракона долго светить лицом перед людьми. Достигнув пика физической формы, существа его породы замирали в ней не то, что на десятилетия, на века. Вот и отец начал сдавать только недавно, разменяв четвёртую сотню лет. Не удивительно, что он оставался в тени, стараясь не привлекать внимание к собственной персоне, и учил тому же своих сыновей.

Ярослав понимал, что с актёрством придётся рано или поздно расстаться, но пока наслаждался светом софитов, играя любовь в кадре, и на месте каждой новой партнёрши видел покойную жену. Может быть, от того он и пользовался таким успехом у зрительниц? Его исполнение всегда было настолько искренним, что каждой хотелось хоть немного погреться в лучах его силы и мощи, которые всегда были обращены только на одну женщину.

Вот и сегодня, оставив у портрета жены букет, он словно

бы попросил у неё благословения на новые съёмки.

Нельзя сказать, что сценарий сильно нравился ему. Действие развивалось по накатанной. Бедная девушка приезжала в город из посёлка городского типа, кажется, за любовью, но парень, для которого она бросала вся, покидал героиню. Она оставалась одна в большом и страшном мире. И уже готова была к отчаянному шагу – пойти на панель, когда богатый бизнесмен, которого и предстояло играть Ярославу, подбирал её, трясущуюся и голодную, и брал к себе домработницей. Вёл себя исключительно благородно. Девушка, естественно, влюблялась. Бизнесмен – тоже. Между ними вставал призрак то ли невесты, то ли коллеги, положившей глаз на чужие капиталы. Эта стервозина всячески унижала главную героиню, вытирала об неё ноги, но справедливость и любовь торжествовали в финале, а узи перед финальными титрами показывало непременную королевскую двойню.

Этот клишированный донельзя сюжет, неизменно находивший отклик в сердцах зрительниц, Ярославу и предстояло превратить во что-то подлинное и живое.

Глава 2

Катя

Она катила тележку с металлическим боксом, в котором хранились бесчисленные кисти, спонжи, плойки и прочие инструменты гримёрного ремесла, через весь павильон. В бумажном стаканчике в такт шагам плескался капучино. Пока она дойдёт до гримёрки Каминского через все провода, накрытые резиновыми защитными ковриками, слои кофе и молочной пенки перемешаются окончательно и превратятся в коричневатую жижицу. Под стать Катиному настроению.

Сейчас её раздражало всё. Громкие переговоры по рации: «Свет вправо, слишком жёсткая тень на диване! Тишина на площадке! Проба звука! Маша, свали из кадра!..» Такие же, как она, люди в серой неприметной одежде, бегущие по своим делам со стаканчиками кофе. Перепады света. Ещё немного, и у неё начнётся мигрень.

А всё из-за него. Из-за будущего бывшего мужа. Новость о разводе он принял почти стоически, отпираться не стал, и Катя уже подумала, что и дальше всё пойдёт спокойно. Ну ушёл, ну будет вить новое семейное гнёздышко с любовницей, бегать за памперсами и жаропонижающим для младенцев. Да, делить имущество в суде неприятно, но, может, они еще договорятся.

Оказалось, дело было не в стоицизме и не в особом бла-

городстве натуры, внезапно прорезавшемся у Серёги на фоне новостей о грядущем отцовстве. Он просто был шокирован тем, что правда всплыла на свет слишком рано и таким неожиданным образом. «Я всегда знал, что вы, бабы, шибанутые. Но чтоб настолько! В помойке рыться…» – заявил он через несколько дней, позвонив Кате на сон грядущий. От неожиданности она не придумала даже достойного ответа.

Потом пошли сообщения с оскорблениями и угрозы отжать добрачную квартиру на основании того, что когда-то Серёга со своих гонораров купил туда три рулона обоев и посудомоечную машинку. Претензии были необоснованные, но и у небывшего пока еще мужа были свои друзья-приятели, у которых нашлись бы свои правильные адвокаты.

И вот вчера, когда они явились в суд – Катя тогда впервые увидела Серёгу после расставания, судья, полная, аж лоснящаяся тётка с вьющимися волосами спросила, не желают ли стороны примирения. Мол, ещё можно сходить к семейному психологу, попробовать заткнуть течи в семейной лодке. Видимо, не хотела портить статистику еще одним разводом.

Тут-то Катю и прорвало. Она высказала граду и миру всё, что до этого старательно держала в себе. Но в приличных выражениях, естественно. Даже ни разу не назвала будущего бывшего козлом:

– О каком примирении может вообще идти речь, ваша честь? – громко восклицала она, словно героиня какого-то сериала. – О каком воссоединении? Если его потаскуха рас-

кидывает по моей квартире свои тесты на беременность?

На этом моменте судья, дама явно привычная ко всему, удивилась, только что не квакнула, как заправская жабка.

– А тебе завидно, да? – рванул с места Серёга. – Машенька родит мне наследника. Не то, что ты! Пустоцвет! Карьеристка!

Вот вроде не первый раз она слышала от мужа этот упрёк, но до сих пор он так больно ударял в самое сердце, что Катя едва не разрыдалась.

– И квартира не твоя, а наша. Я в неё вкладывался! И своё не упущу! – продолжал он.

Судья сделала ему знак прекратить, помощница едва не бросилась за охраной, но Серёга немного успокоился. Видимо, понял, что его спектакль впечатления не произвёл.

Им назначили новое заседание, касающееся раздела имущества.

И весь день Катя не могла прийти в себя. Её мучительно трясло от воспоминаний о каждой секунде этого позора. Было стыдно за без пяти минут бывшего, за себя, за то, что она столько лет терпела его, жизнь прошла, и ничего-то в ней не осталось. Только работа, работа, работа.

Чтобы утром не засыпать стоя, она выпила на ночь проверенное успокоительное и теперь, на студии, чувствовала себя довольно скверно. Но ничего-ничего, она справится.

Каминскому на студии отвели целую отдельную гримёрку. Показатель статуса. Раньше, было дело, ей приходилось гри-

мировать толпу актёров буквально за хрупкой ширмочкой, отделявшей их от съёмочной площадки. А тут такая роскошь – небольшая комнатушка с удобным креслом, бестеневыми лампами, большим зеркалом, столиком, на котором поместились бы все баночки и палетки, кисти, щипчики и спонжи с салфетками.

Когда Катя вошла туда, гремя кейсом на колёсиках, рабочий как раз вешал на голую стену большой фотопортрет пожилой женщины с пронзительными синими глазами.

– Эй, девушка, посмотрите, ровно? – спросил он, заметив Катю.

– Левый угол чуть вверх, – посоветовала она. В голове в этот момент всплывали строки интервью в журнале. Да, легендарный Каминский был тем ещё маньяком! Маньяком-мономаном. – Вот теперь хорошо!

Пока она расставляла свои инструменты и материалы, Катю не покидало ощущение, что женщина с фотографии изучающе смотрит на неё. По спине пробежал лёгкий холодок. Вот не зря же пишут страшные рассказы про оживающие портреты, которые высасывают душу из тех, кто находится рядом. Может, и тут такое дело?

Дверь гримёрки распахнулась, и на пороге возникла ассистентка режиссёра Настенька, вертлявая девица чуть за двадцать, вечно взмыленная, но в целом толковая.

– Ярослав Аскольдович, вот ваша гримёрка. А это, – Настенька сделала широкий жест, указывая на Катю, Екатерина

Петровна, наша богинюшка и чудотворица. Екатерина Петровна, это Ярослав Аскольдович, наш главный герой.

Катя в это время пыталась не потерять челюсть, глядя на главную звезду их сериала. Он горой возвышался за спиной ассистентки. По фото в журнале невозможно было представить, что он такой… огромный. Он не просто вошёл в гримёрку, он заполнил её собой.

С профессиональным интересом она всмотрелась в его лицо. Классической, крупной лепки, это было лицо Аполлона, если бы он однажды решил состариться. Темные волосы, изрядно тронутые сединой – то, что обычно называют «перец с солью», были аккуратно собраны в низкий хвост. Кате страшно захотелось коснуться их, запустить пальцы, чтобы попробовать на ощупь. Ей казалось, они будут похожи на шёлк.

«Так, мы сюда работать пришли, а не слюни пускать. Соберись», – мысленно скомандовала она себе.

– Можете звать меня просто Катя, – она протянула руку Каминскому простым решительным движением. Он в ответ осторожно, но твёрдо пожал ей пальцы, но и этого было достаточно, чтобы она вздрогнула, будто по телу проскочил разряд электричества. Глаза актёра, серые, внимательные и мудрые, на мгновение сверкнули, будто у них внутри разлилось пламя, и тут же погасли.

– Очень приятно, – произнёс он мягким глубоким голосом. Сейчас в нём не было той патоки, какая лилась на зри-

тельниц с экранов телевизоров и планшетов, но Катя чувствовала, что тает. Странно. С ней такого не было никогда раньше, даже в первые месяцы после свадьбы с Серёгой. – Можете звать меня просто Ярослав. Без отчеств, без церемоний. Ведь я доверяю вам самое ценное – себя.

Он улыбнулся, сел в потёртое в нескольких местах кожаное кресло и откинулся на подголовник, подставляя лицо для работы.

Ярослав

Он понял всё сразу, едва только увидел эту маленькую худенькую женщину с усталыми глазами. Она бережно расставляла кисти и грим на гримировальном столе, будто не замечая царящей вокруг суеты, потом вздрогнула испуганной пташкой, обернулась к нему, и мир, до того серый, безжизненный, вдруг вспыхнул яркими красками.

Как тогда, в день знакомства с Калерией.

В груди глухо заныло. Нет, это была не сладкая боль первой влюблённости, в которой больше предвкушения и ожидания, а тяжесть и предчувствие того, чем всё кончится. Смятая под седой головой подушка, сжатый холодные пальцы, холмик песка, осенённый тенью деревянного креста, на семейном участке кладбища.

Истинная встретилась ему внезапно, когда старая рана еще не зажила до конца. Слишком рано. Или слишком поздно?

На вид женщине, которую ему представили как Екатерину

Петровну, было чуть за сорок. Выглядела она подтянутой, с мягкой, но упругой кожей, которой уже коснулось увядание. Но не это было страшно, не это поразило Ярослава в самую душу. Каре-зелёные глаза Истинной были пусты, словно она переживала какую-то пока неизвестную трагедию.

«Сколько тебе пришлось ждать, сколько всего вытерпеть, милая, пока мы не встретились?» – будто помимо воли пронеслось в сознании. Ярослав тут же одёрнул сам себя, мол, какая ещё «милая»? И вообще, сейчас надо работать, а не… глупостями заниматься.

Новая гримёрша протянула руку для пожатия – быстро, решительно, почти как мужчина. Их пальцы соприкоснулись, и по всему его телу прокатилась волна жара, в том месте, где соединялись две ладони, вспыхнула сверхновая, и горячие облака плазмы понеслись в космическое пространство. Но Ярослав совладал с собой. Не выдал подросткового волнения, которое вызывала близость к Истинной. А вот в глазах Екатерины Петровны, то есть, просто Кати, загорелся живой огонёк, и тут же словно разгладились морщины, залёгшие под нижними веками и в уголках губ. Она тоже почувствовала неумолимое приближение судьбы.

Но как теперь выдержать эту сладкую пытку? Истинная попросила его сесть в кресло, и её руки, вооружённые кистями и спонжами, заскользили по лицу Ярослава. Она была так близко, что можно было притянуть к себе, обнять за талию, ощущая горячую плоть под рукой, податься на встречу, при-

льнуть к губам, чуть мерцающим от прозрачного бальзама, и пить, пить этот невыразимый любовный напиток…

И всё это – с женщиной, с которой он едва перекинулся парой фраз исключительно рабочего характера.

Катя работала молча, наверно, чтобы не отвлекать его от работы над ролью. Никакого «Сейчас мы здесь подправим, вот тут высветлим…» В гримёрке, насколько это вообще возможно бывает на съёмочных площадках, царила тишина, но не гнетущая, а сосредоточенная.

– Ну вот, давайте посмотрим на результат, – сказала она наконец, отходя в сторону.

Ярослав открыл глаза. Из глубины зеркала, озарённого светом бестеневых ламп, на него смотрел зрелый и уверенный в себе мужчина, чуть усталый от долгого сидения над бумагами и договорами.

– Я добавила тени под глазами и чуть затемнила скулы, чтобы дополнить образ крутого босса. Как вам? Ещё не поздно будет переделать.

Ярослав покрутил головой вправо-влево, всматриваясь в отражение.

– Пожалуй, вы правы… Катя. Так лучше, выразительнее.

Она скользнула к нему за спину, по загривку скользнули её тонкие пальцы – Истинная сражалась с застёжкой чёрной пелерины, которая защищала костюм от крошек пудры и ляпок тонального крема. Он чувствовал, как по телу прокатываются электрические разряды. Всё его мужское есте-

ство поднялось и восстало, требуя тут же, немедленно, самым простым и незамысловатым образом заявить права на свою женщину.

Вот уж правду говорят, талант, как и возбуждение, сложно симулировать, и совсем невозможно скрыть. Но Ярослав продолжал цепляться за маску напускного равнодушия. Он не мог позволить себе опуститься до того, чтобы накинуться на Истинную, не спрашивая её мнения, прямо тут, в гримёрке. Это унизило бы его как мыслящее существо, как актёра, как… Он бросил долгий взгляд на портрет Калерии, висящий на стене.

Обычно образ покойной жены помогал ему прийти в себя, набраться сил перед новыми свершениями. Но не сегодня. Сейчас ему казалось, что Калерия смотрит на него с затаённой яростью во взоре. Мёртвая – ревнует к живой.

«Ты сходишь с ума, Ярэк», – мысленно проговорил он.

– Всё хорошо? – спросила Катя. – Может быть, воды? Здесь так душно…

Он молча кивнул, боясь, что голос дрогнет, выдаст накатившее волнение.

Она вернулась пару минут спустя с бумажным стаканчиком, в котором плескалась вода. Рука у Кати чуть подрагивала. Выходило, что и его Истинная сейчас чувствовала что-то подобное?

– Надо сюда кулер попросить, – сказала она и потянулась, чтобы поставить стаканчик на столик у зеркала, но Ярослав

перехватил её ладонь и забрал воду сам. Вышло грубовато, несколько капель упали на лацкан пиджака, Катя тут же засуетилась с бумажными салфетками. Боялась, что сейчас на ткани появятся мокрые пятна.

Он пил, чувствуя, как с каждым глотком прозрачной жидкости к нему возвращаются спокойствие и уверенность. Невозможно, неправильно, что он, многое повидавший дракон, проживший больше, чем полвека, вёл себя словно девственник перед первой ночью любви.

Нет, так быть не должно. Но надо что-то делать…

В гримёрку постучали, он крикнул:

– Да-да!

Спустя пару секунд дверь отворилась, и на пороге возникла Настенька с толстой папкой в руках.

– Ярослав Аскольдович, вы готовы? Вижу, что да. Вас ждут на площадке. Сцена в кабинете. Начинаем со слов: «Не думал вас здесь увидеть!»

Глава 3

Катя

«В интервью так рассыпался перед женой-покойницей, так восторгался, а сам…» – подумала Катя, глядя вслед Каминскому. То, что он перевозбудился прямо во время грима, не скрылось от её внимательных глаз. И носа тоже. Сквозь запах ненавязчивого, но дорогого парфюма, которым пользовалась их звезда, пробивался мускусный аромат желания. К таким вещам Катя была чувствительна.

Но больше её поразило то, что Каминский не попытался к ней подкатить. Не схватил за задницу, как делал помреж на прошлом проекте. Не зажал в углу. Ей доводилось сталкиваться с тем, чему теперь дали имя голливудские актрисы. Правда, в её случае всё выходило не так драматично. Чаще она либо давала ответ словами, либо – гораздо реже, жаловалась режиссёру. Пару раз Серёга приходил бить морды зарвавшимся товарищам. Вообще её золотые руки ценили в съёмочных группах, и потому всякие там лапальщики и зажимальщики получали хорошую ответочку. Катя знала: уйдёт с одного проекта – обязательно позовут в другой. Не пропадёт.

А тут система дала трещину. Мужчина, яркий, красивый, захотел её – прямо сейчас, когда это было так нужно и важно, – и не дал этому никакого продолжения. А Катя точно

не отказалась бы от необременительного романа, чтобы доказать себе и миру, что муж, так откровенно вытерший об неё ноги, был не прав. А уже если героем романа окажется кто-то уровня Каминского…

Может, дело было в этой… Она бросила взгляд на портрет седовласой женщины, строго и царственно озиравшей гримёрку. И Каминский просто не решился продолжать под взглядом мёртвой жены? Вспомнилась статья в «Полной чаше».

Ну да, кобельяро со сверхидеями. Потом будет каяться под фотографией, что у него что-то там зашевелилось в штанах при виде чужой женщины.

Катя решила, что будет держать с ним дистанцию, хотя всё внутри горело и отзывалось на любое прикосновение к коже Каминского. Такого с ней не было еще никогда. А ведь она гримировала и самых известных красавцев отечественного кино! Но ни один не вызывал такого грубо физиологического отклика.

Размышляя так, Катя втыкала кисти в кармашки на чёрном фартуку и раскладывала по местам салфетки и пудру. Рассиживаться в гримёрке и наматывать сопли на кулак точно было некогда.

**

Она стояла, прислонившись спиной к тяжёлой стойке софита, и наблюдала за кипящей на площадке жизнью. Режиссёр, невысокий крепыш с круглыми, как у совы, глазами, да-

вал последние указания Каминскому. Тот возвышался над ним, словно утёс над гладью моря. Катя тайком любовалась на него. Слова не долетали до неё, но тембр голоса отзывался где-то в животе приятной щекоткой.

«Да что с тобой, дурында? Почуяла свободу, увидела нового мужика – и всё, и в бой?» – мысленно спрашивала она у самой себя и пока не могла найти на этот вопрос ответа.

Мимо прошмыгнула Алёнка, исполнительница главной роли, блондинка с большими, по-детски распахнутыми глазами. Она специализировалась на ролях класса «мышь слепая, крыса тупая», как говорил про этот типаж один книжный блогер. Алёнка играла простушек из провинции, которых обманывали и бросали женихи, а потом подбирали киношные олигархи. При том, что девочка была очень даже небесталанна. Катя видела её в театральных постановках. В один день она могла предстать перед публикой невинной Офелией, в другой – пламенной и коварной леди Макбет. Но денег за это платили мало, так что великий дар небес тратился по капле на сериалы для невзыскательной публики.

Впрочем, Алёнку Катя не осуждала. Талант и кукольная внешность, увы, не принесли их обладательнице счастья в личной жизни. Она в одно лицо тащила на себе трёхлетнего сынишку и старенькую больную маму. Тут не до рассуждений о великом искусстве и плевках в вечность.

– Свет! Звук! – донеслось с режиссёрского кресла. – Камера один! Мотор! Начали!

Катя замерла, стараясь даже дышать как можно тише, чтобы своим присутствием не сбить актёров с намеченного сценария.

Алёнка в костюме горничной, несколько утрированном, видимо, в угоду мужской аудитории, протирала пыль на и без того сияющем чистотой столе, мурлыкая под нос какую-то песенку. Каминский, затянутый в деловой костюм, вошёл в кабинет. Девушка вздрогнула, оборвала песню на полуслове и вскинула на хозяина испуганный взор.

– Не думал застать вас здесь! – строго заметил он. – Я же предупреждал, чтобы вы не заходили сюда…

Алёнка опустила голову и замерла, словно аллегория стыда и вины.

– Но Марьсергевна… Она сказала, что я должна… – наконец очень убедительно пролепетала она и тут же осеклась. Выглядело неплохо, хотя чувствовалось, что тут должно было прозвучать еще что-то. Пауза затягивалась.

«Она слова забыла!» – догадалась Катя.

– Мы с вами договаривались, что вы слушаетесь меня и только меня, – властно заявил Каминский. И куда только делось то деликатное тепло, с которым он обращался ко всем на площадке? Теперь перед Катей стояла настоящая акула бизнеса, готовая откусить провинившейся девчонке голову. – Не Марию Сергеевну, ни кого-либо другого…

Вместо ответа Алёнка очень натурально всхлипнула. Режиссёр дал команду второму оператору взять её лицо круп-

ным планом.

– Теперь вы… выгоните меня, да? – робко спросила она.

– На первый раз – прощу. Но больше никогда не заходите в мой кабинет без моего указания. Надеюсь, мы поняли друг друга?..

Алёнка, вытирая кулаком щёку, бросилась к двери. Каминский проводил её долгим печальным взглядом.

– Было! Снято! – громко скомандовал режиссёр. – Пять минут на привестись в порядок – и сделаем второй дубль.

Ярослав

И снова она, она склонилась над ним с кистями и спонжами, и сквозь густой запах пудры он ощутил аромат её тела, и внутри всё потянулось к этой совсем пока незнакомой женщине. Захотелось схватить её под мышки, бросить на кожаный диван и навалиться сверху всем телом.

Это была его Истинная, женщина, которая будет от восторга кричать по ночам его имя, которая родит ему сына, которая будет его душой и сердцем, пока не придёт разрушительница всех объятий. Он должен получить её во что бы то ни стало!

И сейчас важно было не спугнуть её.

В перерыве надо будет угостить кофе и заодно расспросить, что же так печалит её.

Надо же, как непохожи друг на друга все Истинные! Калерия была огнём и лавой, кипящей под маской Снежной королевы. До последней болезни она была из тех, кто прихо-

дил на помощь каждой страждущей душе. А эта, Катя, явно нуждалась в спасении. В его крепкой и сильной руке.

– Вы настоящая волшебница, – сказал он, глядя на своё отражение в круглом двустороннем зеркале, которое Истинная передала ему, закончив с гримом. – Проникаете в самую суть роли.

– Рада, что вам понравилось, – с лёгким смущением отозвалась Катя. – Я посмотрела, как всё идёт на площадке, и решила не только блеск убрать, но и немного дополнить ваш… образ.

На последних словах она опустила глаза, как школьница.

Значит, вселенский закон притяжения, связывающий драконов и Истинных, уже начал своё действие. Она еще не понимает, что от судьбы не уйти, но уже чувствует то же, что и он.

– Ярослав Аскольдович, вы готовы? – Голос ассистентки режиссёра вырвал Ярослава из сладких грёз и вернул к действительности.

– Всегда готов! – Он шутливо изобразил пионерский салют.

Правильно, сейчас нужно работать. А Истинная – она уже никуда не уйдёт. По крайней мере, до конца съёмочного дня.

***

И вот он снова стоял в декорациях кабинета. В воздухе мельтешили нагретые софитами пылинки. Его партнерша по сцене, Алёна, усиленно делала вид, что убирается, и это по-

чему-то раздражало почти до дрожи. Всё, что они сейчас делали, казалось таким пустым и нелепым.

Хотя видит небо, сколько откровенного бреда он переиграл в те три года после смерти Калерии! Он уходил в эти выдуманные специально для усталых домохозяек миры, чтобы забыть о той боли, которая разъедала его сердце. Проблемы бесконечных золушек и доярок из Хацапетовки казались ему такими нелепыми по сравнению с настоящим горем, поразившим его семью!

А теперь он едва не трясся от негодования, понимая, что надо изображать тайную страсть к этой кукле с коровьими глазами. И ведь сама девчонка была не виновата в том, что его жизнь круто повернулась прямо на съёмочной площадке. А значит, необходимо было выезжать на чистом ремесле.

Как там было?

Он шагнул в кадр, понимая, что напрочь забыл слова. Что ж, можно попробовать сымпровизировать.

– Вы шпионите за мной? – спросил он так грозно, что партнёрша от испуга выронила пушистый пипидастр, которым смахивала пыль с полочек. – Кто позволил вам входить в мой кабинет?

– Я… Я… – по кукольному личику потекли настоящие, не притворные слёзы.

Ярослав понял, что был, пожалуй, чересчур убедителен в своём гневе. Но смягчиться, выйти из образа, не нарушив психологического рисунка, было уже невозможно. Да и ре-

жиссёр, как ни странно, пока молчал. Видимо, ему нравилось, как развивается сцена.

– Мне велела Мария Сергеевна! – наконец нашлась партнёрша, выводя диалог в нужное русло. – Она считает…

– Мало ли, что считает Мария Сергеевна! – Ярослав вскинул голову и сверкнул глазами. – Пока еще я хозяин в своём доме. И вы должны выполнять мои распоряжения.

– Теперь вы меня выгоните, да?.. – теребя пипидастр и опустив очи долу, спросила девчонка.

– На первый раз – прощу. Но больше никогда не заходите в мой кабинет без моего указания. Надеюсь, мы поняли друг друга?.. – решил смилостивиться над своей жертвой Ярослав, и та стремительно кинулась к двери.

***

– Ярослав, друг мой, скажи мне, какая муха тебя укусила? – задушевным голосом спросил режиссёр после того, как прозвучала команда «Было! Снято!» – Зачем ты так накинулся на Алёну?

Признаваться, что он потерял голову и забыл слова, которые так хорошо отработал в кадре в прошлом дубле, было даже как-то стыдно. Ещё решат, что он не в себе…

– Знаешь… Я просто решил, что всё это – какая-то туфта. Вот это… – первая строчка диалога сама всплыла в памяти. – «Не думал застать вас здесь!» Ну кто так сейчас говорит? Что за Малый, прости Господи, театр на гастролях? Надо живее, динамичнее. Идти от характера героя. Он у нас

кто? Бизнесмен. И крутой, серьезный. Боится за свой бизнес. Еще сотрудница к нему клеится, наверняка же неспроста. И девчонка эта приблудная. Откуда взялась? А вдруг она засланная? Шпионка от конкурентов! Ну, я и решил попробовать. – Стихия вранья захватила Ярослава с головой. – А что, плохо получилось?

– Да нет, почему, всё хорошо. Только Алёна, – тут режиссёр махнул рукой во тьму павильона, – теперь никак в себя прийти не может. Ты её напугал.

«Тоже мне актриса, – подумал Ярослав с тоской. – С кем приходится работать!»

Но за указаниями начальственной руки проследил и увидел, как его Истинная отпаивала водой и что-то шептала прямо в ухо той девчонке с кукольным лицом. Успокаивала, судя по всему. А вот, пожалуй, и повод подойти поближе…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.